

КОМИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Одним из актуальных семантических проектов в настоящее время является «Семантика внутреннего мира человека по данным языка» (школа профессора Ю.М. Малиновича и его учеников) [1], где моделируются, анализируются и описываются фрагменты человеческого опыта, погруженные в культуру и находящие выражение в языковых и неязыковых индексах. В первую очередь это концепты и категории эго- и антропоцентрической природы, рефлектирующие проблему «человек и его язык» и образующие в совокупности семиосферу человека.

Базовые понятия антропологической лингвистики – человек и естественный язык в их объективной взаимосвязи: человек вне языка не существует, язык вне человека может существовать только в качестве исторического памятника. При помощи языка человек картирует не только окружающий его мир, но и себя в этом мире. Следующим основополагающим понятием служит парадигма бытия человека – горизонты его бытия (в смысле М. Хайдеггера) как эмпирически совокупный горизонт, состоящий из определенного множества, так и взятый в отдельности горизонт бытия в определенной социально и этнически гомогенной среде.

Совокупный горизонт бытия человека обладает двумя измерениями: по вертикали и по горизонтали во временных и пространственных границах. Нижней границей по вертикали служит появление на свет (рождение человека), верхней – смерть как переход в материально иное бытие.

Параметрами бытия человека по горизонтали могут быть возрастные, статусные, религиозные, этнические, национальные, культурные, моральные и ряд других горизонтов, которые формируют языковую личность, ее сознание и самосознание [5. С. 21]. Это такие концепты и категории, как бытие и обладание, мнение и воля, клятвы и заветы, долг и совесть, два мира: мы и они, вера, надежда, любовь, жизнь и смерть, добро и зло, эстетические категории и ряд других [6. С. 122].

Определенное положение в очерченной семиосфере занимают категории комического и трагического. Возникнув вместе с *homo sapiens* поначалу в форме базовых эмоций смеха и плача [9, 10], данные категории, начиная с Античности (Аристотель), неоднократно становились объектом научного изучения. В рамках философско-эстетической, психологической, литературоведческой и лингвистической традиций интерпретации были предприняты попытки определить категориальный статус данных феноменов, выявить их основополагающие семантические признаки, определить их функции в личном и социальном бытии человека, проанализировать некоторые языковые средства их выражения.

Несмотря на длительную историю изучения, знание о комическом и трагическом остается во многих моментах лакунарным. По всей видимости, это можно объяснить, во-первых, тем фактом, что комическое и трагическое считают самыми «человечными» категориями в семиосфере человека, они подвержены той же эволюции, что и сам человек, изменяясь в зависимости от смены системы ценностей каждой конкретной эпохи и каждой социальной формации. Во-вторых, многочисленные традиции интерпретации носят в основном функциональный характер, они связаны с решением конкретных практических задач и часто оставляют за рамками исследования глубинную природу анализируемых феноменов.

Функциональный подход к изучению некоего предмета исследует объекты в их отношении к среде, отношению между объектом, являющимся субстратом или носителем функции, и средой. Функция элемента (объекта) определяется его ролью в системе, в контексте целого. Здесь речь идет о функции части по отношению к целому. Между системой и функцией наблюдаются диалектические соотношения. Функция проистекает из системного положения данного объекта. В конечном итоге функциональный подход позволяет лучше определить положение предмета в системе, внутреннее устройство предмета и всей системы, в которую он входит [3. С. 180-181].

Так, функциональный подход к изучению трагического и комического, заложенный еще в трудах Аристотеля, позволил определить феноменологически-категориальный статус данных феноменов в зависимости от перспектив исследования. Комическое и трагическое предстают как вид систематизированного знания, как семантически многомерные культурные пространства, включающие в себя следующие измерения или перспективы: 1) эстетические категории, 2) семантические категории с размытыми границами и текучими свойствами, позволяющими им функционировать в разных сферах бытия человека, 4) психологические про-

* © О.Я. Палкевич, Иркутский государственный лингвистический университет, 2006.

цессы, 5) феномены восприятия, 6) формы поведения, вызванные определенными стимулами, 7) переживаемый человеком опыт, вовлекающий его тело и эмоции, 8) коммуникативное действие, подверженное влиянию и оказывающее влияние на социальное взаимодействие, 9) часть коммуникативного репертуара, часто сопровождающаяся лингвистической активностью (речевыми действиями).

В рамках функционального подхода были также выделены основные семантические признаки комического и трагического: 1) конфликтность (синтез противостоящих сущностей как структурная особенность порождения комического и трагического), 2) отклонение от нормы (комическое и трагическое там, где есть норма, а значит и ее нарушение), 3) антропоморфность (оба феномена не существуют вне своего творца), 4) эвристический характер (трагическое и комическое – творческий акт, при котором вещь мыслится одновременно в двух или нескольких планах), 5) неожиданность (если не произойдет резкой перемены ситуации, если не произойдет превращения, не будет ни комизма, ни трагизма), 6) функциональная амбивалентность (поддержка / деструкция общения).

Функциональное понимание анализируемых феноменов позволило выделить ряд адаптивных функций, выполняемых ими в личном и социальном бытии человека: коммуникативная (связанная как с передачей информации, так и с выражением эмоций от радости и удовольствия до грусти), гносеологическая (связанная как с познанием и самопознанием, так и с оценкой и переоценкой ценностей), регулятивная, защитная, воспитательная, дидактическая, терапевтическая, гуманистическая (преодоление страдания в этическом и эстетическом планах, духовное преодоление зла в другом, утверждение оптимистического начала, противостояние смерти и утверждение жизни).

Таким образом, функциональная традиция интерпретации позволила выявить определенные семантические и функционально-прагматические константы, образующие понятийное ядро названных категорий и обеспечивающие их стабильность при культурно-исторической трансляции. Однако вне поля ее интереса остались переменные, определяющие их специфику и влияющие на адекватное функционирование названных феноменов в каждую конкретную культурно-историческую эпоху.

По нашему мнению, трагическое и комическое не мыслимы вне взаимодействия составляющих триады «человек и его рациональность – общество и система его ценностей – язык и особенности его функционирования». По сути дела, трагическое и комическое должны быть вписаны в определенную модель коммуникации, учитывающую, например, следующие переменные, влияющие на формирование и адекватное восприятие комического смысла:

ЯЮ (Г, С, Т, Ог, Ос, Пг, Пс, Об г, с),

где ЯЮ – языковой юмор, Г – говорящий, С – слушающий, О г, с – социальный опыт говорящего и слушающего, П г, с – психологический тип участников коммуникативного акта, Си – ситуация общения, Об – общество и накладываемые им ограничения на нормативное / допустимое общение [4. С. 86]. Поскольку мы рассматриваем комическое и трагическое как сопряженные категории, принадлежащие к одному участку семантического пространства и обладающие определенными сходными характеристиками, на основании закона изоморфизма мы предполагаем, что данные переменные релевантны и для анализа трагического смысла.

На наш взгляд, в настоящее время такой теоретической рамкой исследования является синергетика, в широком смысле понимаемая как теория сложных саморазвивающихся систем, снятых в виде комплекса «человек – технико-технологическая система – экологическая система – культурная среда, принимающая новую технологию» [8. С. 58].

Синергетика представляет собой максимально широкую исследовательскую программу, позволяющую учесть и смоделировать самые различные факторы, влияющие на формирование и восприятие такого сложного конгломерата смыслов, как трагический и комический. По сути дела, синергетика есть развернутая детализированная модель коммуникации, развивающая и дополняющая некоторые ранее созданные теоретические модели. В частности, идеи синергетики перекликаются с известной моделью языка как органа Карла Бюлера, согласно которой язык связан: 1) с предметами и ситуациями, 2) с отправителем и 3) с получателем. В связи с этим языковой знак обладает тремя семантическими функциями, одновременно будучи символом, соотношенным с предметами и ситуациями (референтивная, или репрезентативная, функция); симптомом, зависимым от отправителя (эмотивная функция); сигналом, обращенным к слушателю (конативная функция) (рис. 1) [2].

Определенный отклик идеи синергетики получают в модели эколого-семиотических отношений А.А. Поликарпова, где каждый из членов коммуникативной цепи (отправитель – знак – получатель) может напрямую контактировать с природным окружением (средой) с целью получения энергии или информации, а также вступать в кооперацию с другими членами такого рода систем [7].

Каждая модель исходит из понятия коммуникации как обмена информацией между индивидами через посредство общей системы символов и тем или иным способом формализует взаимодействие между отправителем сообщения, его получателем, знаками как физическими посредниками при передаче информации, а также предметами и ситуациями реального мира, или средой как источником и конечным пунктом приложения информации, переданной по каналам коммуникации.

Однако при внешнем сходстве названные модели формализуют системы разной степени сложности. Модель языка как органа представляет собой замкнутую управляемую извне систему, или, в терминах системного анализа, малую (простую) систему; эколого-семиотическая модель имеет дело с саморегулируемыми системами, а синергетическая парадигма предлагает моделировать системы, способные к самостоятельному развитию (сложные саморазвивающиеся).

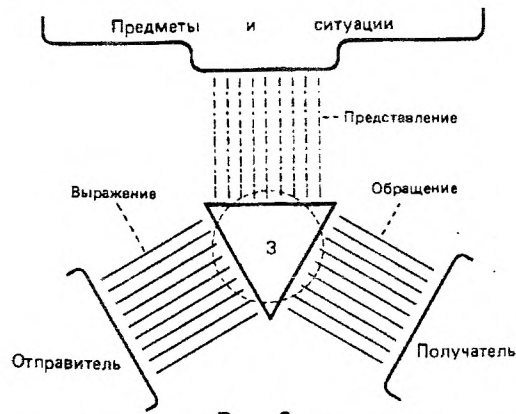

Рис. 1. Модель языка как органа Карла Бюлера

Итак, обратимся к категориальной сетке синергетики и рассмотрим конкретное наполнение каждой категории в преломлении к комическому и трагическому.

Категориальный аппарат синергетики включает понятия части и целого, вещи и процесса, причинности, случайности, возможности, необходимости, пространства и времени [8. С. 58-61]. Данные традиционные категории общепhilosophической и частнотеоретической значимости получают в синергетической парадигме своеобразное наполнение.

Категории части и целого помогают постигнуть погруженность системы в среду и выявить факторы, влияющие на информационно-энергетический обмен системы со средой. Категории комического и трагического в качестве части входят в состав семиосферы парадоксального, наряду с абсурдом. Система в целом, или семиосфера парадоксального, оказывается погруженной в актуальную культурно-историческую ситуацию и испытывает ее активное влияние. С другой стороны, фактором, определяющим своеобразие взаимодействие системы парадоксального со средой, выступает ментальная (интеллектуально-эмоциональная) сфера человека как активного участника названного взаимодействия.

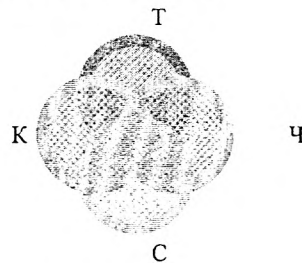
Кроме того, категория целого понимается как несводимая к сумме свойств частей в ее составе; часть обладает разными свойствами внутри целого и вне его. Данное методологическое положение позволяет выявить как свойства комического и трагического внутри семиосферы парадоксального (их функциональную нагрузку по реализации признака парадоксальности в дискурсах разных типов), так и свойства вне системы, так называемое ядро, набор необходимых и достаточных признаков, обеспечивающих культурно-историческую трансляцию комического и трагического и их устойчивость как понятий.

Следующие элементы категориального аппарата синергетики, категории вещи и процесса, позволяют как раз выявить это ядро, определить инвариант комического и трагического в разные культурно-исторические эпохи. Названные категории дают возможность вскрыть конкретное содержание информационно-энергетического обмена системы (семиосферы) со средой (культурно-исторической ситуацией). Вещь-система предстает в качестве процесса постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой как своеобразный инвариант в варьируемых взаимодействиях со средой. В качестве вещества в обмене комического и трагического со средой выступают различные языковые формы (происходит образование новых языковых форм для наименования комических и трагических событий / переживаний либо отбор из арсенала имеющихся языковых средств по критериям их наибольшей эффективности и выразительности). Энергетический обмен комического и трагического с культурно-исторической эпохой состоит во влиянии языковых процессов или тенденций развития языка на создание текстов с комической либо трагической доминантой (преобладание средств и норм разговорной речи в письменных текстах). И, наконец, информационный обмен находит выражение в концептах, наиболее часто и полно актуализирующихся в текстах, посвященных разным аспектам комического и трагического.

Категория причинности связывается с представлениями о превращении возможности в действительность: случайные флуктуации в фазе перестройки системы формируют аттракторы, которые в качестве программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний. В преломлении к комическому и трагическому анализ категории причинности ставит задачи выявления аттракторов (векторов развития), содействующих функциональному разнообразию комического и трагического в различные культурно-исторические эпохи: от выполнения катарси-

ческой функции в Античности и философии экзистенциализма до манипулятивной функции в современной действительности.

Категории пространства и времени понимаются как нераздельные и неслиянные. Нарастание системой новых уровней организации сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени. При этом возникают своеобразные пространственно-временные «окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений. В связи с анализом комического и трагического названные категории прочно увязываются с несколькими уже упомянутыми категориями. Связь пространства-времени с категориями части и целого находит выражение в анализе культурно-исторической трансляции комического и трагического. Здесь встают задачи выявления темпоральности анализируемых феноменов (осознания их как категорий длящихся, временящихся, погруженных в пространственно-временной континуум). Связь категории пространства и времени с категориями вещи и процесса приведет к анализу диахронии комического и трагического (выявлению набора актуальных концептов в каждую конкретную культурно-историческую эпоху) и их синхронии (репертуара языковых средств и технологий, применяемых при создании текстов, актуализирующих названные категории).

К -- комическое, Т – трагическое, Ч – человек, С – среда (культурно-историческая эпоха).
 Все компоненты находятся в постоянном обмене 1) веществом (языковыми формами),
 2) энергией (языковыми процессами, тенденциями),
 3) информацией (темами текстов и актуализируемыми концептами).

Рис. 2. Синергетическая модель комического и трагического

Итак, будучи одним из модусов, конституирующих бытие человека по горизонтали, категории комического и трагического получают новое наполнение в каждую культурно-историческую эпоху. Их антропоцентрический характер делает их постоянным объектом теоретического осмысления и требует выбора теоретической модели исследования, способной адекватно формализовать их жесткое и мягкое ядра. На данном этапе развития науки в качестве такой модели выступает синергетическая парадигма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / под ред. и общим научным руководством Ю.М. Малиновича. – М. – Иркутск, 2003. – 251 с.
2. Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2000. – 501 с.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. – 768 с.
4. Кулинич, М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.04 / М.А. Кулинич; МГЛУ. – М., 2000. – 290 с.
5. Малинович, Ю.М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука / Ю.М. Малинович // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – М. – Иркутск, 2003. – С. 7 – 28.
6. Малинович Ю.М. Антропный фактор в теории языка и проблема семантики эгоцентрических категорий / Ю.М. Малинович // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. – Кемерово, 1999. – Вып. 4. – С. 120-126.
7. Поликарпов, А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.А. Поликарпов; МГУ. – М., 1998. – 347 с.
8. Степин, В.С. Синергетика и системный анализ / В.С. Степин // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 58-77.
9. Krüger, H.-P. Zwischen Lachen und Weinen / Hans-Peter Krüger. – Berlin: Akad.-Verlag.
10. Bd. 1. Das Spektrum menschlicher Phänomene. – 1999. – 290 S.
11. Plessner, H. Philosophische Anthropologie. Lachen und Weinen. Das Lächeln. Anthropologie der Sinne / H. Plessner. – Frankfurt/Main: S. Fischer Verlag, 1970. – 350 S.